

Слово друзьям, коллегам, ученикам

Две Лены

Есть две Лены. Одна по фамилии Люльки, другая по фамилии Новик. Та, которая с веселым звучанием и каким-то светлым детским смыслом, принадлежит студентке филфака МГУ, пришедшей в начале шестидесятых годов прошлого столетия в любительскую эстрадно-театральную студию «Наш дом», чтобы учиться играть на сцене. Вторая – фамилия выдающегося ученого, специалиста-фольклориста и этнолога, каких на свете единицы. Между тем эти две Лены – один человек. В нем – точнее в ней – наглядно слились тяга к преобразению и стихии лицедейства с исследовательской задачей распознать тайны и магию человеческого поведения в древности и сейчас. Одно без другого не могло сосуществовать в ее душе, ибо настоящий театр вбирает в себя и миф, и ритуал, и быт, и бытие, и Игру как таковую. В «Нашем доме» каждый актер и каждая актриса учились импровизировать и озоровать, опираясь на бахтинскую «карнавализацию» и требования «комедии дель арте» играть исключительно с «*anima allegro*», т. е. с «внутренним ликованием» или «радостной душой».

Сказовый характер народного изъяснения понуждал исполнителей интонировать словесную вязь, предлагать свою, феноменальную музыку звучоречи, менять регистры тона или сохранять эмоциональное движение текста на одной-единственной ноте – все эти приемы довольно эффективно обогащают современный авангард, придя к нам из экзотики шаманских песнопений и обрядовых праздников в тайге или на площади.

Театр предполагает наличие сцены в пустом пространстве, а жизнь оказывается не менее театральной без всяких подмостков.

Как я понимаю, юной актрисе Лене Люльки были близки эти наши общие увлечения, которые я сегодня не боюсь назвать уникальной школой «Нашего дома». Чисто актерской школой. Видимо, Лена что-то проверяла для себя, молчаливо впитывала то, что ей, только ей, было интересно как профессионалу-филологу.

Актриса Лена Люльки запомнилась мне участием в двух наших первых спектаклях: «Мы строим наш дом» и «Прислушайтесь, время!». Рядом с ней на нашей студенческой сцене стояли будущие народные артисты – Геннадий Хазанов, Александр Филиппенко, Семен Фарада... Здесь же пробовала себя как замечательная эксцентрическая актриса Люся Петрушевская... С Леной много

репетировал Алик Аксельрод, между прочим, один из изобретателей КВН в нашей стране и по совместительству блестящий врач-реаниматолог... Помнится, он кричал ей: «Дикция! Дикция!», ибо вместо поэтической реплики «Здесь будет песня!» ему слышалась невразумительная буквенная каша «Добудепеся!».

Мы все смеялись, и Лена с нами... Вообще она была вечно улыбающаяся, и никто из нас тогда не мог подозревать, что рядом с нами будущий серьезнейший ученый с мировым именем.

Горько сознавать, что Елены Сергеевны с две тысячи четырнадцатого года нет с нами... Но артистизм ее натуры сказался в ее же исследовательской деятельности архаики и чудес языка. Вся Сибирь обязана Лене за ее интеллектуальное подвижничество. К примеру, она умела войти в психологию медведя как подобия человека. И вот слова Лены, которые меня поразили:

«У кетов и селькупов медведь – не просто “тоже человек”, он родственник совершенно конкретных людей, который по собственному желанию пришел к нам в гости. Это существа, относящиеся одновременно и к “своему”, и к “чужому” миру».

Прекрасно то, что не только я, но и многие писатели от Аксакова до Шварца благодарно закивали бы Лене в ответ.

Марк Розовский

Верному другу и человеку

Очень трудно говорить о Елене Сергеевне, Леночке, в прошедшем времени. Привыкнуть к этому так и не удалось. Что-то происходит – и в голове возникает: надо Лене позвонить.

Познакомились мы в 1980 г., когда я, работая в группе музыкальной социологии Союза композиторов Москвы, оказалась по каким-то делам на Воротниковском и впервые встретилась со своими будущими коллегами, в том числе с Леной, а с 1983 по 1989 г. мы работали, как говорится, «бок о бок» в аппарате Всесоюзной фольклорной комиссии Союза композиторов СССР.

Руководил комиссией Э.Е. Алексеев (1937–2021) – под «крылом» Т.Н. Хренникова. Человек талантливый, творческий, харизматичный, «фонтанирующий» интересными и часто, казалось бы, нереализуемыми идеями. Но, как ни странно, особенно учитывая специфику 70-х и 80-х, многое удавалось сделать.

Поскольку организация была общественной, то никакого административного аппарата ей не полагалось и мы, как тогда это называлось, были «незабудками», т.е. не теми, кем числились.